

Л. Калюжная

Александр Иванович Куприн (1870–1938)

Родился Куприн в городке Наровчатове Пензенской губернии 26 августа (7 сентября) 1870. Отец его, мелкий чиновник, умер от холеры, когда мальчику не исполнилось и двух лет. В семье, оставшейся без средств, кроме Александра, было еще двое детей. Мать будущего писателя Любовь Алексеевна, урожденная княжна Кулунчакова, происходила из татарских князей, и Куприн любил вспоминать о своей татарской крови, даже, было время, носил тюбетейку. В романе «Юнкера» он писал о своем автобиографичном герое: «...Бешеная кровь татарских князей, неудержимых и неукротимых его предков с материнской стороны, толкавшая его на резкие и необдуманные поступки, выделяла его среди дюжинных юнкеров».

В 1874 Любовь Алексеевна, женщина, по воспоминаниям, «с сильным, непреклонным характером и высоким благородством», принимает решение переехать в Москву. Там они поселяются в общей палате Вдовьего дома (описан Куприным в рассказе «Святая ложь»). Через два года, из-за крайней бедности, она отдает сына в Александровское малолетнее сиротское училище. Для шестилетнего Саши начинается период существования на казарменном положении — длиной в семнадцать лет.

В 1880 он поступает в Кадетский корпус. Здесь мальчик, тоскующий о доме и воле, сближается с преподавателем Цухановым (в повести «На переломе» — Труханов), литератором, который «замечательно художественно» читал воспитанникам Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. Начинает пробовать свои силы в литературе и подросток Куприн — разумеется, как поэт; кто же в этом возрасте хоть однажды не смял листок с первым стихотворением! Увлекается модной тогда поэзией Надсона. В то же время кадет Куприн — уже убежденный демократ: «прогрессивные» идеи времени просачивались даже сквозь стены закрытого военного училища. Он гневно обличает в рифмованной форме «консервативного издателя» М.Н. Каткова и самого царя Александра III, клеймит «гнусное, страшное дело» царского суда над Александром Ульяновым и его подельниками, покушавшимися на монарха.

Восемнадцати лет Александр Куприн поступает в Третье Александровское юнкерское училище в Москве. По воспоминаниям его однокашника Л. Лимонтова, это уже был не «невзрачный, маленький, неуклюжий кадетик», а сильный юноша, более всего дорожащий честью мундира, ловкий гимнаст, любитель потанцевать, влюбляющийся в каждую хорошенькую партнершу.

К юнкерскому периоду относится и его первое выступление в печати — 3 декабря 1889 в журнале «Русский сатирический листок» появился рассказ Куприна «Последний дебют». Эта история действительно едва не стала первым и последним литературным дебютом юнкера. Позже он вспоминал, как, получив за рассказ гонорар в размере десяти рублей (для него тогда огромная сумма), на радостях купил матери «козловые ботинки», а на оставшийся рубль помчался в манеж погарцевать на лошади (Куприн очень любил лошадей и считал это «зовом предков»). Через несколько дней журнал с его рассказом попался на глаза кому-то из преподавателей, и юнкера Куприна вызвали к начальству: «Куприн, ваш рассказ?» — «Так точно!» — «В карцер!» Будущему офицеру не полагалось заниматься такими «легкомысленными» вещами. Как любой дебютант, он, конечно, жаждал комплиментов и в карцере прочитал свой рассказ отставному солдату, старому училищному дядьке. Тот внимательно выслушал и сказал: «Здорово написано, ваше благородие! А только понять ничего нельзя». Рассказ и действительно был слабый.

После Александровского училища подпоручик Куприн был направлен в Днепровский пехотный полк, который стоял в Проскурове Подольской губернии. Четыре года

жизни «в невероятной глуши, в одном из пограничных юго-западных городков. Вечная грязь, стада свиней на улицах, хатенки, мазанные из глины и навоза...» («К славе»), многочасовая муштра солдат, мрачные офицерские кутежи да пошловатые романы с местными «львицами» заставили его задуматься о будущем, как задумается о нем герой его знаменитой повести «Поединок» подпоручик Ромашов, мечтавший о военной славе, но после дикости провинциальной армейской жизни решивший выйти в отставку.

Эти годы дали Куприну знание военного быта, нравов местечковой интеллигенции, обычаев полесского села, а читателю подарили впоследствии такие его произведения, как «Дознание», «Ночлег», «Ночная смена», «Свадьба», «Славянская душа», «Миллионер», «Жидовка», «Трус», «Телеграфист», «Олеся» и другие.

В конце 1893 Куприн подал прошение об отставке и уехал в Киев. К тому времени он был автором повести «Впотьмах» и рассказа «Лунной ночью» (журнал «Русское богатство»), написанных в стиле душещипательной мелодрамы. Он решает всерьез заняться литературой, но эта «дама» не так-то легко дается в руки. По его словам, он вдруг оказался в положении институтки, которую завели ночью в дебри Олонецких лесов и бросили без одежды, пищи и компаса; «...У меня не было никаких знаний, ни научных, ни житейских», — напишет он в своей «Автобиографии». В ней же он приводит список профессий, которые пытался освоить, сняв военный мундир: был репортером киевских газет, управляющим при строительстве дома, разводил табак, служил в технической конторе, был псаломщиком, играл в театре города Сумы, изучал зубоврачебное дело, пробовал постричься в монахи, работал в кузнице и столярной мастерской, разгружал арбузы, преподавал в училище для слепых, работал на Юзовском сталелитейном заводе (описан в повести «Молох»).

Этот период завершился выходом в свет небольшого сборника очерков «Киевские типы», который можно считать первой литературной «муштрой» Куприна. За последующие пять лет он совершает довольно серьезный рывок как писатель: в 1896 публикует в «Русском богатстве» повесть «Молох», где впервые масштабно был показан бунтующий рабочий класс, выпускает первый сборник рассказов «Миниатюры» (1897), куда вошли «Собачье счастье», «Столетник», «Брегет», «Allez!» и другие, затем следуют повесть «Олеся» (1898), рассказ «Ночная смена» (1899), повесть «На переломе» («Кадеты»; 1900).

В 1901 году Куприн приезжает в Петербург довольно известным писателем. Он уже был знаком с Иваном Буниным, который сразу по приезде ввел его в дом Александры Аркадьевны Давыдовой, издательницы популярного литературного журнала «Мир Божий». О ней ходили в Петербурге слухи, будто писателей, выпрашивающих у нее аванс, она запирает в своем кабинете, дает чернила, перо, бумагу, три бутылки пива и выпускает лишь при условии готового рассказа, тут же выдавая и гонорар. В этом доме Куприн нашел свою первую жену — яркую, испанистую Марию Карловну Давыдову, приемную дочь издательницы.

Способная ученица своей матери, она тоже имела твердую руку в обращении с пишущей братией. По крайней мере, за семь лет их брака — время самой большой и бурной славы Куприна — ей удавалось довольно продолжительные периоды удерживать его за письменным столом (вплоть до лишения завтраков, после которых Александра Ивановича клонило в сон). При ней были написаны произведения, выдвинувшие Куприна в первый ряд русских писателей: рассказы «Болото» (1902), «Конокрады» (1903), «Белый пудель» (1904), повесть «Поединок» (1905), рассказы «Штабс-капитан Рыбников», «Река жизни» (1906).

После выхода «Поединка», написанного под большим идейным влиянием «буревестника революции» Горького, Куприн становится всероссийской знаменитостью. Нападки на армию, сгущение красок — забитые солдаты, невежественные, пьяные офицеры — все это «потрафляло» вкусам революционно настроенной интеллигенции, которая и поражение русского флота в русско-японской войне считала своей победой. Эта повесть,

без сомнения, написана рукой большого мастера, но сегодня она воспринимается в несколько ином историческом измерении.

Куприн проходит самое сильное испытание — славой. «Это была пора, — вспоминал Бунин, — когда издатели газет, журналов и сборников на лихачах гонялись за ним по... ресторанам, в которых он проводил дни и ночи со своими случайными и постоянными собутыльниками, и униженно умоляли его взять тысячу, две тысячи рублей авансом за одно только обещание не забыть их при случае своей милостью, а он, грузный, большеликий, только шурился, молчал и вдруг отрывисто кидал таким зловещим шепотом: «Геть сию же минуту к чертовой матери!» — что робкие люди сразу словно сквозь землю проваливались». Грязные кабаки и дорогие рестораны, нищие бродяги и лощеные снобы петербургской богемы, цыганские певицы и бега, наконец, важный генерал, брошенный им в бассейн со стерлядью — весь набор «русских рецептов» для лечения меланхолии, в которую почему-то всегда выливается шумная слава, был им перепробован (как тут не вспомнить фразу шекспировского героя: «В чем выражается меланхолия великого духом человека? В том, что ему хочется выпить»).

К этому времени брак с Марией Карловной, видимо, исчерпал себя, и Куприн, не умеющий жить по инерции, с юношеской пылкостью влюбляется в воспитательницу своей дочери Лидии — маленькую, хрупкую Лизу Гейнрих. Она была сиротой и уже пережила свою горькую историю: побывала на русско-японской войне сестрой милосердия и вернулась оттуда не только с медалями, но и с разбитым сердцем. Когда Куприн, не откладывая, объяснился ей в любви, она тут же покинула их дом, не желая быть причиной семейного разлада. Вслед за ней ушел из дома и Куприн, сняв номер в Петербургской гостинице «Пале-Рояль».

Несколько недель он мечется по городу в поисках бедной Лизы и, само собой, обрастает сочувствующей компанией... Когда большой его друг и почитатель таланта профессор Петербургского университета Федор Дмитриевич Батюшков понял, что этим безумствам не будет конца, он отыскал Лизу в небольшом госпитале, куда она устроилась сестрой милосердия. О чем он с ней говорил? Может быть, о том, что она должна спасти гордость русской литературы... Неизвестно. Только сердце Елизаветы Морицовны дрогнуло и она согласилась немедленно ехать к Куприну; правда, с одним твердым условием: Александр Иванович должен лечиться. Весной 1907 они вдвоем уезжают в финский санаторий «Гельсингфорс». Эта большая страсть к маленькой женщине стала причиной создания замечательного рассказа «Суламифь» (1907) — русской «Песни песней». В 1908 у них рождается дочь Ксения, которая впоследствии напишет воспоминания «Куприн — мой отец».

С 1907 по 1914 Куприн создает такие значительные произведения, как рассказы «Гамбринус» (1907), «Гранатовый браслет» (1910), цикл рассказов «Листригоны» (1907–1911), в 1912 начинает работу над романом «Яма». Когда он вышел, критика увидела в нем обличение еще одного социального зла России — проституции, Куприн же считал платных «жриц любви» жертвами общественного темперамента испокон века.

К этому времени он уже разошелся в политических взглядах с Горьким, отошел от революционной демократии. Войну 1914 Куприн называл справедливой, освободительной, за что был обвинен в «казенном патриотизме». В петербургской газете «Новь» появилась его большая фотография с подписью: «А.И. Куприн, призванный в действующую армию». Однако на фронт он не попал — был командирован в Финляндию обучать новобранцев. В 1915 его признали негодным к строевой службе по здоровью, и он вернулся домой в Гатчину, где в то время жила его семья.

После 1917 Куприн, несмотря на несколько попыток, общего языка с новой властью не нашел (хотя по протекции Горького даже встречался с Лениным, но тот не увидел в нем «четкой идейной позиции») и покинул Гатчину вместе с отступающей армией Юденича. В 1920 Куприны оказались в Париже.

Во Франции после революции осело около 150 тысяч эмигрантов из России. Париж стал русской литературной столицей — здесь жили Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Иван Бунин и Алексей Толстой, Иван Шмелев и Алексей Ремизов, Надежда Тэффи и Саша Черный, и многие другие известные писатели. Образовывались всевозможные русские общества, выпускались газеты и журналы... Ходил даже такой анекдот: встречаются на парижском бульваре два русских. «Ну, как тебе здесь живется?» — «Ничего, жить можно, одна беда: слишком много французов».

Первое время, пока еще сохранялась иллюзия унесенной с собой родины, Куприн пытался писать, но дар его постепенно угасал, как и могучее когда-то здоровье, все чаще он жаловался, что работать здесь не может, поскольку привык «списывать» своих героев с жизни. «Прекрасный народ, — высказывался Куприн о французах, — но не говорит по-русски, и в лавочке и в пивной — всюду не по-нашему... А значит это вот что — поживешь, поживешь, да и писать перестанешь».

Самое значительное его произведение эмигрантского периода — автобиографический роман «Юнкера» (1928–1933).

Становился он все более тихим, сентиментальным — непривычным для знакомых. Иногда, правда, все же давала себя знать горячая купринская кровь. Как-то писатель возвращался с друзьями из загородного ресторана на такси, заговорили о литературе. Поэт Ладинский назвал «Поединок» лучшей его вещью. Куприн же настаивал, что лучшее из всего им написанного — «Гранатовый браслет»: там есть высокие, драгоценные чувства людей. Ладинский назвал эту историю неправдоподобной. Куприн рассвирепел: «Гранатовый браслет» — был! и вызвал Ладинского на дуэль. С большим трудом удалось его отговорить, катая всю ночь по городу.

Видимо, с «Гранатовым браслетом» у Куприна действительно было связано что-то очень личное. На исходе жизни он и сам стал походить на своего героя — состарившегося Желткова. «Семь лет безнадежной и вежливой любви» Желтков писал безответные письма княгине Вере Николаевне. Постаревшего Куприна часто видели в парижском бистро, где он сидел один за бутылкой вина и писал любовные письма к малознакомой женщине. В журнале «Огонек» (1958, № 6) было опубликовано стихотворение писателя, возможно, сочиненное в ту пору. Там есть такие строки:

И никто на свете не узнает,
Что годами, каждый час и миг,
От любви томится и страдает
Вежливый, внимательный старик.

Перед отъездом в Россию в 1937 он уже мало кого узнавал, да и его почти не узнавали. Бунин пишет в своих «Воспоминаниях»: «...Я как-то встретил его на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шел мелкими, жалкими шажками, плелся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног...»

Когда жена увезла Куприна в Советскую Россию, русская эмиграция его не осуждала, понимая — он едет туда умирать (хотя такие вещи воспринимались в эмигрантской среде болезненно; говорили же, к примеру, что Алексей Толстой просто сбежал в «Советию» от долгов и кредиторов). Для советского правительства это была политика. В газете «Правда» от 1 июня 1937 появилась заметка: «31 мая в Москву прибыл вернувшийся из эмиграции на родину известный русский дореволюционный писатель Александр Иванович Куприн. На Белорусском вокзале А.И. Куприна встречали представители писательской общественности и советской печати».

Поселили Куприна в подмосковном доме отдыха для писателей. В один из солнечных летних дней в гости к нему приехали матросы-балтийцы. Александра Ивановича вынесли в кресле на лужайку, где матросы пели для него хором, подходили, пожимали руку, говорили, что читали его «Поединок», благодарили... Куприн молчал и вдруг громко заплакал.

Александр Иванович Куприн умер 25 августа 1938 в Ленинграде. В последние эмигрантские годы он часто говорил, что умирать нужно в России, дома, как зверь, который уходит умирать в свою берлогу. Хочется думать, что он ушел из жизни успокоенный и примиренный.